

ЛИДИЯ МАКАРОВА

Повороты судьбы

Лидиана Мак

Антайтл

«Издательские решения»

Мак Л.

Антайтл / Л. Мак — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748775-1

Судьба — интересное, увлекательное путешествие длиною в жизнь, а может быть, даже больше? Она может связать или разделить людей в пространстве и времени, несмотря ни на что. А что если это все проще, чем кажется, и каждый из нас находится именно там, где он должен быть...

ISBN 978-5-44-748775-1

© Мак Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Повороты судьбы

Лидия Макарова

© Лидия Макарова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

... Шел снег с дождем, даже не шел, а летел, криво, в разные стороны, мелкими колючими каплями – хлопьями. Ни с того, ни с сего, в конце октября, когда зима еще только подкрадывается на мягких, неслышных кошачьих лапках, осторожно, то подбираясь почти вплотную, то снова отступая, словно понимая: не время, не здесь, не сейчас...

Прохожие, некстати одетые в легкие осенние пальто и куртки, кто рысцой, кто трусцой, пробегали по улицам, не глядя по сторонам, зябко ежась, втягивая головы в плечи, поднимали воротники, стараясь хоть как-то защититься от этой мокрой колючести.

А пропитанный дождем снег таял, ложась на землю, наискось сек лужи, такой беспощадный, серый, холодный. Он шел все гуще, опускаясь с неба мутной стеклянной стеной, которая вдребезги разбивалась о землю, но не оступала, продолжала падать вниз.

По центральному мосту, самому большому в Северном Гондурасе, с которого в хорошую погоду можно было рассмотреть почти весь город, а сегодня из-за ненастья ничего не было видно, кроме мутной пелены, непрерывным потоком проносились машины с отчаянно работающими дворниками, такие безысходно одинокие в своей бесконечной, стремительной, непрекращающейся гонке со временем, с непогодой, с жизнью...

На середине моста, одиноко держась за перила, стояла девушка. Ее взгляд был устремлен куда-то в пустоту и внутрь себя, казалось, она не чувствовала холода, ветра, нещадно треплющего ее выбившиеся из-под капюшона волосы, дождя со снегом, безжалостно бьющего в лицо, словно пытающегося достучаться до ее измученной и оцепеневшей души.

Внезапно девушка отчаянно-легко вскочила на перила моста, отделявшие ее от пустоты и стремительно текущей внизу реки. Когда она оказалась по ту сторону парапета, то почти с удовольствием посмотрела вниз на быстрое течение черной осенней реки, раздраженно мечущиеся волны, которые словно воевали друг с другом, поддавшись мятежному настроению непогоды.

Девушка отчетливо представила, как через несколько секунд для нее не станет боли, ощущений, чувств, ничего, все успокоится, остановится и замрет. Это казалось немного страшным, жизнь всегда сопротивляется смерти, небытию, но только на какую-то долю секунды, а потом наступит покой, забвение, тишина, успокоила она себя...

Внезапно чьи-то сильные руки схватили ее и потянули обратно...

Владимир Борисович Стрельников ехал на незапланированную встречу хмурый, очень недовольный тем, что ему пришлось раньше времени покинуть свой теплый, уютный офис. Но ему позвонил риелтор по поводу одной очень важной сделки, которую он просто не мог оставить без внимания, даже в такую непогоду.

Проезжая по мосту, Стрельников случайно бросил взгляд направо и увидел, что какая-то девушка лезет через перила с явным намерением прыгнуть вниз. Он так резко затормозил, что задымились покрышки (это в дождь!), а идущая следом за ним старенькая девятка чуть не врезалась ему в задний бампер, однако к счастью ее водитель сумел вовремя взять влево и избежать столкновения.

Владимир Борисович среагировал мгновенно, рывком распахнул дверь, выскочил из машины, подбежал к девушке и успел схватить ее буквально за секунду до прыжка.

Он почти силой повел ее к машине, крепко держа за плечи, словно боясь, что она вырвется и снова попытается устремиться в последний полет, усадил на заднее сидение и накрыл пледом. Губы девушки посинели от холода, нос покраснел, мокрые растрепанные пряди волос прилипли ко лбу и щекам, закрывая половину лица, а большие серые глаза, казалось, рассматривали что-то внутри самой себя и не отвлекались на окружающую действительность.

Сначала Стрельникову показалось, что она находится под действием какого-то наркотического препарата, однако эта мысль быстро исчезла, потому что ее глаза были живыми, наполненными отчаянием, болью, а не стеклянными, как у наркоманов.

В таких случаях необходимо отвлечь пациента, вспомнил Владимир Борисович первый курс медицинского института.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Оля, – тихо сказала девушка, не смотря в его сторону.

– Хорошо, Оля. Погода сегодня нелетная, весьма паршивая, надо сказать, погода, поэтому предлагаю поехать со мной, я опаздываю на важную встречу, а потом, когда вы согреетесь, обсохните и придете в себя, я отвезу вас... домой например...

Оля перевела взгляд на сидевшего за рулем мужчину и так же тихо сказала:

– Меня никуда не нужно отвозить, пожалуйста, посадите меня на любой остановке, я сама доберусь...

– Еще раз дать вам промокнуть? Чтобы вы подхватили воспаление легких? Ну уж нет! – сказал Владимир Борисович, плавно трогаясь с места и продолжая путь в нужном направлении. – Я не такой бессердечный, как может показаться на первый взгляд. Кстати там, куда я спешу, неподалеку есть маленький уютный ресторанчик, где готовят изумительный кофе, пожалуй, лучший в городе, можете мне поверить. Я кофейный гурман, – он улыбнулся, нужно было говорить с девушкой на легкие непринужденные отвлеченные темы, чтобы переключить ее внимание, направить течение мыслей в другое русло, выбить из колеи принятого решения. – Вы любите кофе, Оля?

– Наверное, – без интереса ответила та и перевела взгляд в окно, на проносящиеся мимо дома и машины.

– Вот и славно. Тогда немедленно по прибытии я усажу вас за столик в том ресторанчике, вы меня там подождете, я думаю, это займет около двадцати минут, а потом мы вкусно покушаем, выпьем по чашечке потрясающего кофе и поговорим о погоде...

Оля не ответила, поскольку решила: как только машина остановится, она из нее выскочит и побежит, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого странного случайного спасителя, который так некстати помешал ей исполнить задуманное... Но когда машина остановилась, Оля почему-то никуда не побежала. Ей не хотелось даже шевелиться, думать, дышать, а только закрыть глаза и уснуть, лучше всего навеки. Владимир Борисович сказал:

– Вот мы и на месте, Оля. Прошу вас зайти вон в те двери, сесть за любой понравившийся столик и обязательно дождаться меня, а я отлучусь буквально на двадцать минут (ни минутой дольше, обещаю). Как только я закончу дела, обещаю вкуснейший кофе и приятный разговор. Кстати, кроме кофе можете выбрать в меню все, что вас заинтересует, не стесняйтесь. Просто скажите, что это для меня (меня зовут Владимир Борисович Стрельников), и супер обслуживание вам обеспечено, я здесь постоянный клиент.

Оля безучастно посмотрела на него, кивнула, вышла из машины, и к своему удивлению, можно даже сказать против своей воли, направилась прямо в указанный Стрельниковым ресторан. Охранник на входе внимательно на нее посмотрел, но по принятым в первоклассных заведениях правилам, даже виду не подал, что удивлен ее появлением здесь, будто к ним зашла не скромно одетая, насквозь промокшая бедная студентка-сиротка, а преуспевающая, уверенная в себе бизнес-вумен, которую они почтут за честь принять и обслужить по высшему разряду.

Зал был небольшим, но очень уютным, официант осведомился, какой столик она предпочитает, и не раздумывая, Оля села за ближайший к выходу. Официант положил перед ней меню и бесшумно удалился. Несколько посетителей, которые расположились в глубине зала, равнодушно взглянули в сторону девушки и не найдя в ее облике ничего интересного, продолжили свою беседу.

Ровно через двадцать минут дверь открылась, и по устремленным туда заинтересованным взглядам двух женщин, сидевших за соседним столиком, Оля поняла, что пришел ее спаситель.

Владимир Борисович Стрельников был мужчиной лет пятидесяти, высоким, подтянутым, как сейчас говорят, спортивным, с безупречной улыбкой и идеально подстриженными и уложенными волосами, любимцем всех женщин, независимо от их возраста и социального статуса. Не было в Северном Гондурасе, да и за его пределами, женщины, которая бы не ответила ему улыбкой и не растаяла бы под его многообещающим взглядом. Ведя очень активную светскую жизнь, Стрельников знал всех красивых и богатых женщин города, но ни одну из них не любил, всегда оставаясь свободным.

Он, признаться, с некоторым удивлением и здоровой самоиронией сегодня обнаружил в себе зачатки альтруизма, способность к решительным действиям, не укладывающимся в рамки обычной светской вежливости и воспитания. Сегодня был поистине необычный день – он не прошел мимо чужого горя, такое, надо сказать, с ним случилось впервые в жизни. Оля была такой хрупкой, грустной и незащищенной, что вызвала в его душе непонятные ему самому отеческие чувства, и он не мог не помочь ей, просто по-человечески...

– Ну, вот и я, Оля, как и обещал, без опоздания, – начал он беседу, садясь за стол. – А ты почему ничего не заказала? Я думал, ты уже доедаешь горячее! – Он посмотрел на ее безучастное лицо, и задействовал весь свой актерский талант и умение обращаться с женщинами. – Хорошо, сейчас мы это упущение исправим, – Владимир Борисович жестом подозвал официанта, который мгновенно и абсолютно бесшумно появился возле их столика из ниоткуда, – нам, пожалуйста, как обычно, в двух экземплярах, плюс девушке еще принесите мороженое с имбирем. Ты от него будешь в восторге, – заговорщицким шепотом добавил он, слегка наклонившись к Оле. – И, конечно, ваш восхитительный кофе, – официант исчез так же мгновенно и бесшумно, как и появился, а Владимир Борисович продолжал:

– Чем по жизни занимаешься?

– Учусь в Медакадемии, на фармацевтическом.

– О, хорошая профессия, достойная, – с уважением сказал Стрельников. – Я в свое время тоже поступал в Медакадемию, тогда она еще была институтом, в память об отце, хотел продолжить его дело, стать хирургом, но после второго курса передумал, не захотелось всю жизнь резать людей, видеть их боль и страдания, не мое это призвание, если можно так выразиться. Слава богу, я вовремя это понял и не стал занимать чужое место. И не жалею. После ухода отслужил в армии, потом работал на стройке, закончил строительный факультет автомобильного института и вот теперь возвожу различные объекты в Северном Гондурасе и за его пределами, – не дождавшись от Оли ответного отклика, он продолжал. – И на каком ты курсе?

– На пятом.

– Значит, две трети пути пройдено. А я, признаться, подумал, что ты рыбачить собралась в такую непогоду, думаю, дай подойду, спрошу, как улов, я ведь и сам заядлый рыбак, – в шутовой манере он попытался выяснить суть происходящего с девушкой. – Ты всегда в такую погоду рыбачить ходишь?

– Нет, – ответила Оля, с легким удивлением глядя, как на их столе появляются блюда, одно аппетитнее другого. В ней вдруг проснулся зверский голод, еще бы, она не ела со вчерашнего утра. Владимир Борисович, перехватив ее заинтересованный и голодный взгляд, пододвинул к ней первую тарелку:

– Кушай, давай, не стесняйся, тут все так вкусно, что невозможно устоять. Не обижай повара, оцени его талант, – Оля взяла вилку и стала медленно есть, под неспешное течение успокаивающего, ничего не значащего разговора (вернее почти монолога) Владимира Борисовича. Она не заметила, как съела все, что было для нее заказано и внезапно ей захотелось плакать. Слезы готовы были хлынуть из глаз, а платка нигде не было, только бумажные салфетки в красивой вазочке. Она взяла одну, судорожно сжала в кулачке и... заплакала, горько и тихо.

– Ну, ну... – Владимир Борисович подсел к ней поближе. – Чего это такая молоденькая девушка-фармацевт впала в такую великую, почти вселенскую, скорбь? – признать, Стрельников был несказанно удивлен своему поведению. Рядом с Олей он вел себя, как обычный отец, успокаивающий и утешающий свою маленькую дочку, разбившую при падении с забора коленку, да еще и порвавшую при этом новое платье, и теперь рыдающую не только и не столько от боли, но еще и от страха перед грядущим лечением и вероятным наказанием за непослушание. А поскольку детей у него никогда не наблюдалось, подобное поведение было необычным и более чем странным.

– Мне очень плохо, – прошептала Оля глядя куда-то в сторону и не в силах больше сдерживать в себе свое горе, ей захотелось вдруг облегчить душу, рассказать все незнакомому человеку, с которым она никогда больше не увидится, поплакаться в жилетку, наконец, просто выговориться.

– Что случилось, Оля? Расскажи мне...

– Мы с Максимом расстались, а я себе жизни без него не представляла, – всхлипывая, говорила Оля. – Думала, всегда будем вместе, а он мне изменил и ушел к забеременевшей от него первой встречной.

– Оля, все, что с вами произошло, как ни грустно это говорить, обычная житейская история. С высоты прожитых лет и приобретенного вследствие этого некоторого жизненного опыта, могу только сказать, что не твой это был человек. Потому что «свои» люди никогда не предадут, они созданы друг для друга... Ты не убивайся так, все пройдет, всегда проходит, рано или поздно, а потом еще вспомнишь и подумаешь, и что это я так плакала, убивалась, ради кого? Пусть этот Максим живет своей жизнью, забудь о нем и иди дальше, не оглядываясь. Поверь, твоя судьба тебя найдет.

Оля молча слушала его и боль начала потихоньку отступать, как бы уменьшаться, съезжаться, оставляя после себя легкую пустоту, которую еще предстояло чем-то заполнить. Кризис миновал...

Глава 2

...Сергей уже полчаса рассматривал какую-то только ему видимую точку на стене. Анна Николаевна терпеливо стояла рядом и с недоумением смотрела то на него, то на стену. «Что там?» – спрашивала она себя – «Что он там увидел?»

Анна Николаевна, средних лет женщина, была женой одного очень влиятельного человека в городе. И как это было заведено у влиятельных людей, он поселил жену в огромном шикарном «дворце», как он шуточно (или не очень) любил говорить, в престижном коттеджном поселке Северного Гондураса, иронично и с намеком именуемом «Таганский проезд». А она, слегка озверев от длительного, как говорят итальянцы, «дольче фарниенте» – «прекрасного ничегонеделания», активно начала менять все: интерьер, обстановку, приусадебный ландшафт, вложив в это занятие все свои нерастроченные силы, чтобы приезжающий пару раз в неделю супруг смог по достоинству оценить ее многочисленные таланты и тонкий художественный вкус.

Первым делом Анна Николаевна созвонилась с самой популярной в городе и безумно дорогой дизайнерской фирмой относительно стиля оформления дома и проведения ремонтно-строительных работ, по принципу «ни в чем себе не отказывай».

На осмотр будущего «театра военных действий» приехал молодой дизайнер Сергей (она уже знала от подруг, что его прозвище – «Художник», вошло в обиход с легкой руки одного из его клиентов, а благодаря весьма нестандартному, но в то же время благородному облику создаваемых им интерьеров, которые без натяжки можно было считать произведением искусства, все сливки местного общества мечтали заполучить его на оформление домов, квартир и даже офисов).

Сергей был в городе, что называется, нарасхват. Цена вопроса «за срочность» была молниеносно решена Анной Николаевной в свою пользу, и она заполучила великолепного дизайнера почти сразу, на зависть менее удачливым (или более прижимистым) подругам.

Но вот Художник уже полчаса стоит и рассматривает какую-то серую стену с таким многозначительным видом, что она даже не знает, что и думать.

– Сергей, что-то не так? – Анна Николаевна не выдержала затянувшегося молчания.

– Что? – очнулся Сергей, выходя из некоего подобия транса, потому что при взгляде на эту серую, ничем не примечательную стену, у него появилось резкое, щемящее чувство, что он видел ее раньше, во всех деталях и подробностях, каждое углубление, каждую шероховатость, неровность и даже цвет краски. Этого не могло быть в принципе. В этом районе города он бывал не часто, в «Таганском проезде» не работал.

– Я думаю над тем, как здесь будет смотреться сиреневый, – поспешил Сергей исправить положение, чтобы не показаться странным, мягко говоря, и не испортить репутацию.

– Сиреневый? – не поняла Анна Николаевна. – Ах да, конечно! – она облегченно улыбнулась. – И как вы это видите?

– Пока не знаю. Нужно осмыслить, – за свою недолгую, но более чем успешную карьеру дизайнера Сергей твердо усвоил негласное правило всех творческих и креативных натур: каждую свою идею, какой бы бредовой она не была, нужно преподносить клиенту уверенно, как откровение свыше, чтобы у него даже на секунду не возникло сомнений в ее драгоценности и уникальности. Это качество было у Сергея врожденным, он умел убеждать людей в своей правоте, почти не прикладывая к этому никаких усилий.

– Ах да, конечно! – Анна Николаевна в растерянности развела руками – обидно, что за недолгое время, прошедшее с момента ее замужества, она совсем отстала от жизни. – Может быть, чаю?

– Нет, спасибо. Пожалуй, на сегодня достаточно. Я заеду к вам на днях, посмотрю еще, думаю, за это время у меня оформится пара-тройка идей. Фронт работ я посмотрел. До свидания, – Сергей быстро направился к выходу, не давая клиентке что-либо возразить.

Он шел к машине, чувствуя, что увидит во сне эту стену. Ну и что, может быть это его сознание начало так быстро обрабатывать задание? И во сне он увидит как раз желаемый результат! Нет, ничего такого не будет. Сон будет о другом, он мог себе в этом поклясться.

Подойдя к машине, он махнул рукой и постарался улыбнуться. Как себя настроишь, так и пойдет. В конце концов, что-то все это должно значить, и рано или поздно он это поймет. Главное, чтобы до этого не сойти с ума. Голова ему очень нужна и желательно в рабочем состоянии.

Ложась вечером спать, Сергей еле сдержался, чтобы не выпить. Нет, завтра ему на работу, да и вообще, толку от этого не будет никакого. Голова опустилась на подушку, глаза закрылись, и сознание мирно пустилось в свои непостижимые странствия.

Улицы были темными, не освещенными, вдоль домов росли каштаны, огромные, могучие, очень старые, кажется, даже старше, чем дома. От их вида на душе стало тоскливо и уныло. Появилось ощущение ветхости, старости и какой-то незащищенности.

Сергей не любил старые интерьеры, дух прошлого, ретро, так сказать, и всегда старался отговорить клиентов от оформления жилища в стиле барокко, рококо и прочего «дворцового дизайна». Все должно быть современным, новым, и в то же время уникально-классическим. Когда-нибудь он напишет об этом книгу, мечтал он, в которой раскроет свой подход к дизайну интерьеров и свое видение прекрасного при создании модного, но в то же время уютного жилого дома.

По улице шел какой-то сгорбленный человек с плотно надвинутым на голову капюшоном. Он сильно сутулился, вжимал голову в плечи, но, тем не менее, шел достаточно быстро, несмотря на то, что выглядел как старик.

Человек перешел улицу и направился к двухэтажному деревянному дому. Дом был такой же старый, как и все вокруг. Человек внимательно огляделся по сторонам, прежде чем зайти и, убедившись, что все тихо, бесшумно проскользнул в приоткрытую дверь. Закрыв ее с другой стороны на щеколду, он поднялся на второй этаж и скинул капюшон.

В доме было темно, сквозь плотно задернутые шторы не проникал свет с улицы. Это создавало ощущение еще большей темноты, которая была почти осязаемой, казалось, ее можно было зачерпнуть, взять в руки, потрогать. Человек снова огляделся, как будто здесь кто-то мог быть и подошел к большому письменному столу. Он осторожно отодвинул один из многочисленных ящиков, порывшись и достал плотно сложенный лист пожелтевшей бумаги и бумажный пакет с чем-то шуршащим, легким, приятно пахнувшим сушеными цветами. Аккуратно, боясь повредить, он стал разворачивать записку. Лист был сложен давно и весьма плотно и плохо поддавался, видно было, что у человека слегка дрожат руки. Когда он, наконец, развернул бумагу, то увидел всего одно слово, размашисто, во весь лист написанное черными чернилами: *делай*.

Человек на секунду закрыл глаза, с видом глубочайшей покорности судьбе, аккуратно засунул лист и пакет в карман плаща, вышел на улицу и снова, нервно озираясь по сторонам, чтобы убедиться, что его никто не заметил, надвинув капюшон почти на глаза, направился в ту сторону, откуда недавно появился.

– Почему он так решил? Неужели я смогу это сделать? Прошло столько лет, сменилось несколько поколений, да что там, изменилась и сама жизнь! – думал человек, еще ниже наклоняя голову, словно боясь, что его мысли кто-то увидит и прочитает, – может быть, это не для меня? Мог же он ошибиться, в конце концов? Нет, и ты это отлично знаешь! Не мог он ошибиться, он видел все это задолго до того, как состоялся наш разговор! Он знал, что будет и что нужно делать, – человек ускорил шаг и вскоре дошел до своего дома. Зайдя в квартиру, он повесил плащ на вешалку в коридоре и прошел в гостиную.

– Мила, у нас есть еда? – спросил он звонким голосом, а посмотрев на него, вы с удивлением могли увидеть, что он еще очень молод, как будто на улице в плаще был старик, а теперь перед вами стоял высокий симпатичный молодой мужчина с ярко рыжими волосами.

– Да, конечно, садись кушать!

– На работе мне опять говорят, что пора менять план, – сев за стол, буднично начал он, – у них план, у нас план! У всех планы, а кто будет их выполнять не понятно... – между слов он быстро черпал суп ложкой, не роняя при этом ни капли.

– Главное, чтобы был результат, вы уже давно трудитесь над этим исследованием, – произнесла Лариса. – Я устала, ты так редко бываешь дома, я, конечно, понимаю, что все на благо нашей страны и светлого будущего, но без тебя у меня его не будет! Я все же считаю, что люди важнее планов, заданий и ударного труда на благо очередной пятилетки, которую нужно выполнять и перевыполнять!

– Тише! – сказал Иван, и по тому, как он испуганно оглянулся по сторонам, сразу стало понятно, что это именно он был на улице и в доме. – Никогда так не говори! Сегодня я понял, что все правильно, все, что я делаю, правильно! Пока не спрашивай меня ни о чем, но просто поверь, Мила!

– Хорошо, – устало вдохнула та.

Иван в молчании доел суп и подошел к окну. На небе всходили звезды, и луна висела огромным белым, полным собственного достоинства блином. Все вокруг было спокойно, но Иван знал, что это ненадолго, потому что его открытие скоро перевернет весь мир...

Едва забрезжил рассвет, как Иван открыл глаза и устало посмотрел в окно. Каждый день одно и то же. Серые унылые фигуры бредут по улице в таком же сером предрассветном сумраке, сливаясь с ним, сутулясь и стараясь не смотреть по сторонам, словно они не люди, а какие-то муравьи, запрограммированные двигаться только по заложенным в программу дорожкам и не знающие, что за пределами их муравейника есть огромные просторы чего-то более важного и значительного, чем они сами.

Иван понимал, что возможно скоро границы муравейника раздвинутся, распахнутся куда-то за горизонт, и от этого ему было немного страшно, даже голова слегка кружилась, как после поездки на карусели, на которой они с Милой часто катались в первый год после свадьбы. Но времени на такие размышления не было, может быть, когда-нибудь в старости он с улыбкой вспомнит эти дни. А пока, как обычно, Иван быстро встал с кровати, бережно укрыл жену одеялом и побежал под холодный душ.

Бодрость души и тела была его главным правилом. Рыжие взлохмаченные со сна волосы смешно торчали во все стороны. Иван быстро вымылся и пошел на кухню. Заботливая Мила как всегда оставила в духовке ароматную запеканку на завтрак, зная, как он ее любит. Кроме того, по собственному опыту она знала, что муж может так увлечься работой, что до самого вечера не возьмет в рот ни крошки еды, поэтому так важно было накормить его с утра.

Иван так же быстро поел и пошел одеваться. Он старался не шуметь, чтобы не разбудить жену. Но она все равно стала ворочаться и сонно спросила:

– Ты нашел еду? Покушал?

– Да, Мила! Все в порядке! Спи, еще рано! Просто сегодня мы проводим серию опытов и договорились с Борисом встретиться на работе пораньше, чтобы успеть сделать кое-что до обхода!

– Хорошо, Ваня! До вечера! И не забудь покушать в обед!

– Так точно, мой генерал! – весело сказал Иван и чмокнул жену в щеку на прощание. Откуда ему было знать, что это действительно прощание. Мы никогда не знаем, когда последний раз увидим или поцелуем любимого человека...

Иван вышел во двор и бодро зашагал к трамвайной остановке. Он мог пройти несколько кварталов до работы пешком, и часто так делал, просто сегодня у него не было времени на прогулку, он спешил в лабораторию, где его уже наверняка ждал Борис.

Рассеяно глядя в пыльное и мутноватое вагонное окно, Иван задержал взгляд на ларьке с пивом. В такой ранний час там уже начала выстраиваться очередь из местных выпивох, которые рыбьими глазами смотрели вокруг себя и друг на друга. Их взгляд оживлялся только когда наталкивался на бутылки, выстроившиеся на витрине. Они подолгу не отрывали от них жадного взгляда и с нетерпением смотрели на часы. Время подходило, ларек открылся, и серая безликакая масса торопливо всосалась внутрь.

Иван печально отвел глаза и вздохнул. Интересно, сможет ли его открытие избавить мир от такого вот ларька и людей с рыбьими глазами? Или ничего не изменится?

Объявили остановку, Иван ловко спрыгнул с подножки трамвая и быстрым шагом направился к большому, немного сумрачному зданию родной больницы. Войдя внутрь, он привычно направился к себе по широким прямым коридорам, улыбаясь идущим навстречу врачам и медсестрам, с некоторыми перекидываясь несколькими фразами, мужчинам пожимал руку. Глядя на него, трудно было поверить, что этот молодой мужчина – подающий огромные надежды врач, ученый. Его лохматые рыжие волосы, круглое лицо и голубые глаза были по-детски веселыми и любознательными. Только очень внимательный наблюдатель, хорошо знающий Ивана, мог увидеть за всем этим неуловимую, прикрытую внешней беззаботностью обеспокоенность, чувство глубокой ответственности не только за себя, но за всю страну, весь мир.

Иван зашел в свой кабинет и только успел надеть халат, как появился Борис, вошедший как всегда торопливо и без стука, по его скованным движениям можно было понять, что внутри у него идет серьезная психологическая борьба.

Борис был старше Ивана лет на пять, ниже ростом, плотнее, но при этом нисколько не уступал Ивану в ловкости движений. Его наморщенный словно от тяжких дум, как любили говорить коллеги, лоб был предметом всеобщего подтрунивания, впрочем, беззлобного и не обидного. Все знали Бориса как человека очень ответственного, почти маниакально стремящегося к порядку во всем. Можно сказать, он в этом смысле был примером для всех, и когда Иван поступил в медицинский институт и подружился с молчаливой «библиотечной крысой», как называли Бориса ехидные и задиристые студенты, то сознательно стал перенимать у друга эту ценную, по его мнению, черту характера, не переходя, впрочем, грань разумного.

Борис Стрельников был молчаливым и прилежным студентом, которого всегда можно было увидеть в библиотеке, в научных кружках, где он редко выступал, но внимательно слушал и все записывал в толстую тетрадь в черном коленкоровом переплете. Профессора, читавшие лекции и приятно удивленные таким прилежанием, сначала думали, что Борис вот-вот сделает какое-нибудь важное открытие, уж слишком углубленным в себя и сосредоточенным он был, однако постепенно, курсу этак к третьему, эти надежды растаяли, никаких гениальных идей Стрельников так и не выдвинул, и преподаватели перестали обращать на него особое внимание.

Между тем сам Борис искренне верил, что однажды наступит его звездный час, за все трудолюбие и прилежание ему будет ниспослано выше что-то важное, великое, он найдет ответ еще на одну загадку природы, вот только что это будет и когда, он еще не знал. Именно поэтому он просто молча слушал, записывал, изучал, анализировал и терпеливо ждал своего часа.

Случилось так, что душа компании, веселый, легкий в общении, находчивый и талантливый Иван Рождественский, студент медицинского института, крепко подружился с Борисом Стрельниковым. Они подолгу говорили о чем-то в библиотеке, столовой, иногда в пустых аудиториях родного института, спорили с профессорами, вместе высказывая новые идеи развития и усовершенствования человеческого организма (при этом спорил и высказывал исклю-

чительно Иван, а Борис только находился рядом, всем своим видом показывая, что полностью поддерживает своего друга и абсолютно во всем разделяет его точку зрения).

Когда Иван закончил институт, его пригласил на работу в первую городскую больницу, сам профессор Светлаков, видя в молодом человеке подающего большие надежды врача и ученого, и отдав ему лабораторию, где Иван проводил опыты и исследования под руководством профессора, а иногда и самостоятельно.

Борис поздоровался с Иваном и отвлеченно показал на микроскоп, стоящий на столе:

– Сегодня трудился всю ночь во время дежурства над этим составом, и смотри, что получилось.

– Вижу! – Иван неопределенно махнул рукой. – Дружище, честно говоря, меня немного смущает, что ты занимаешься этой мелочевкой, словно тебе не интересна наша серия опытов, ты не хочешь финального матча (так Иван называл важные события своей жизни, поскольку был ярким футбольным болельщиком).

– Ваня, но ведь ты уже почти закончил! – возразил Борис. – Я сделал все опыты, которые ты просил, и осталось написать доклад, который, кстати, ты собираешься сделать сам, меня не посвящаешь в это дело, поэтому мне ничего не остается, как только занимать себя чем-то еще, пусть не столь важным, даже рутинным, но в нашем деле без рутины, увы, не обойтись.

– Да, да! – махнул рукой Иван. – Но когда я сделаю доклад, ты представляешь, что за этим последует! Вот тогда начнется главная работа! Это только начало! Эх, если бы не беременность Милы, я бы уже давно жил на работе! Столько всего нужно еще успеть сделать!

– Сделаешь! – махнул рукой Борис. – У тебя еще уйма времени!

– Нет, друг, мне всегда кажется, что времени очень мало! Я стараюсь успеть побольше, даже сон сократил бы, чтобы впихнуть в эти жалкие двадцать четыре часа как можно больше дел! Но опять же, Мила... Эх, как только все благополучно закончится, я постараюсь пересмотреть свой график, тем более, что она будет заниматься в основном с ребенком, я ей стану мешать, доставлять лишние хлопоты!

– Не гони лошадей! – усмехнулся Борис. – Все мое время.

– Ладно, мне пора на обход! – вспомнил Иван. – Там больного интересного положили вчера, ты говорил. Какие-то необычные симптомы. Пойду, схожу, посмотрю. Потом вернусь, проведем еще пару опытов и все – сажусь писать доклад!

Иван бодро двинулся по знакомым коридорам больницы. Все так же здоровался с проходящими мимо коллегами, пожимал руки и улыбался. Спросил у медсестры номер нужной палаты и быстро направился к ней. Внутри было сумрачно, шторы плотно задвинуты, больной лежал спокойно, прикрыв глаза.

– Добрый день! – сказал Иван, подходя к нему и всматриваясь в серое неприметное лицо.

– Здравствуйте, – равнодушно сказал больной.

– Как вы себя чувствуете?

– Неважно, – ответил больной и начал подниматься.

– Лежите, если вам так удобнее.

– Нет, доктор, мне пора встать. Належался, насиделся, – с ошеломляющей проворностью больной оказался рядом с Иваном, держа в руке возникший непонятно откуда маленький пистолет. Он больно вдавил пистолет в бок доктора и подтолкнул его к стоящему рядом с кроватью столику.

– Сиди тихо, братец, я тебя не обижу, – со странной улыбкой человек посмотрел на Ивана, – все, что мне от тебя нужно, это ключи от сейфа с докладом. Где ты их прячешь?

– Какого доклада? – Иван прикинулся непонимающим, пытаясь выиграть время.

– Того самого, который должен изменить мир. Ты знаешь, о чем я.

– Если вы о ежегодном докладе на научной конференции медиков, тогда подождите пару дней, я его еще не написал, выступление в четверг, ждать осталось не долго. Вы тоже сможете послушать, на такого рода мероприятия вход свободный.

– Где ключи от сейфа? – словно не слыша его, угрожающе повторил мнимый больной. В ту же секунду раздался приглушенный выстрел, и Иван, теряя сознание, понял, что это все.

– О, черт! – выругался преступник, подолжая держать в руке теперь уже ненужный пистолет. – Что-ж это я нажал-то?

– Что-ж это ты нажал-то! – послышался у него за спиной язвительный и злобный голос, он повернулся и увидел перекошенное от бешенства лицо Бориса. – Ублюдок! Что ты наделал?

– Но вы же мне говорили убрать его! – попытался выкрутиться мнимый больной, понимая, что допустил ошибку.

– Да! После того, как он сообщит тебе местонахождение его работы! Сколько затрачено усилий, а все впустую, все коту под хвост! – по-змеиному прошипел Борис, было видно, что он постепенно свирепеет.

– Подождите! Может, он еще того, – преступник протянул руку, пощупал бездыханное тело и, понимая, что перестарался, опустил глаза.

– Ты не справился с заданием! – прошипел Борис. – Помнишь, мы договаривались, что ты ничего не должен помнить. Бери, выпьешь и забудешь! – он протянул больному таблетку.

– Как-то не так... – преступник, словно под гипнозом, взял ее и проглотил. – Я могу идти?

– Да, иди! – равнодушно сказал Борис, открывая ему дверь палаты.

Человек медленно вышел, направляясь по пустому коридору в сторону выхода, но на полпути рухнул как подкошенный, молча, почти бесшумно, закатывая глаза. А Борис спокойно вышел из палаты и сразу же зашел в третью по счету от конца коридора.

Через несколько минут вокруг мертвого тела стали собираться персонал и любопытные, но быстро поняли, что ему уже ничем не помочь, санитары положили труп на носилки и отнесли в местный морг, который располагался в цокольном этаже больницы. А потом в палате обнаружили труп Ивана. Это было страшное происшествие, весть о котором со скоростью света разнеслась по коридорам больницы и вырвалась на улицу...

Мила была дома. Она приготовила обед и, как обычно, в свободное от домашних дел время отдыхала, сидя в кресле на балконе. Стояли последние теплые дни уходящей осени, по улице шли по люди, и Мила без особого интереса разглядывала их, думая о чем-то своем...

Ваня так много работал, забывая при этом обо всем, что его окружало, даже о ней, так, что иногда ей казалось, что она совершенно одна в этом мире! Родителей у Милы не было, познакомились они в институте, когда она пришла сдавать вступительные экзамены, а Иван после третьего курса на общественных началах помогал в подготовке кабинетов к этим самым экзаменам. Увидев в толпе худенькую девочку с большими испуганными серыми глазами, Ваня понял, что это она, его будущая жена и мать его детей. Мила поступила на терапевтический факультет, была отличницей, и порой Ване казалось, что она будет гораздо лучшим врачом, чем он.

Время шло, и вот они ждут малыша... Через пару месяцев станут родителями... С одной стороны, Мила боялась этого события, но вместе с тем считала дни, оставшиеся до появления малютки.

Неделю назад Ваня повел себя странно. Он пришел домой как обычно в одиннадцать часов вечера, протянул ее заботливо упакованную картонную коробку и сказал:

– Мила, это дело всей моей жизни, оно важно не только для меня, но и для всего человечества, для будущего наших детей. Поэтому просто пообещай мне спрятать эту коробку в самое укромное место в нашем доме или за его пределами, в общем, как сама считаешь нужным, я полностью тебе доверяю... И никому не говори, где ты ее спрятала, даже мне...

– Ваня, ты меня пугаешь. В наше время секретов лучше ни от кого не иметь... и уж тем более прятать... Я даже боюсь спросить тебя, что там...

– Милочка, просто поверь мне! – ласково глядя на нее, сказал Иван. – Это мое главное открытие... Я не хочу хранить его на работе, мало ли что... я его скоро обнародую на ежегодной медицинской конференции, осталось провести всего несколько опытов и подготовить доклад, в коробке черновые наброски, самое важное, а пока пусть оно будет у тебя, мне так спокойнее.

Мила вздохнула и взяла коробку...

Сейчас она почему-то вспомнила этот разговор и закрыла глаза... А когда она их открыла, то с удивлением увидела, как к дому быстро подходит Борис Стрельников. У него на лице было странное выражение, Мила даже не смогла его определить для себя.

– Лара, добрый день, – сказал Борис, подходя к балкону, где сидела Мила, открой, мне нужно с тобой поговорить.

Лариса встала и пошла открывать неожиданному гостю.

– Добрый, Боря, что-то случилось?

– Лара, я не знаю, как сказать... – Борис с сомнением смотрел на нее, как будто боялся сделать что-то не так, пытаясь подобрать слова помягче.

– Говори как есть, – нахмурилась Лариса, а сердце внутри уже резко трепыхнулось, пропустило удар...

– В больницу положили сумасшедшего больного и...

– Боря... – пробормотала Лариса.

– Он выстрелил в Ваню... насмерть...

Лариса сидела молча, тяжело дыша. Из груди не вырвалось ни единого звука, ни единого слова. Гробовое молчание. Оцепенение. Шквал, обвал, разрушение, которые внезапно, настигли ее, смяли, раздавили, а она не успела подготовиться, защититься, хотя к этому невозможно подготовиться, от этого нельзя защититься. Внезапно она скорчилась от резкой боли внизу живота...

Глава 3

Сергей проснулся от сильной головной боли. В первую секунду он не мог понять, где он, кто он... За окном едва брезжил рассвет, по серым крышам домов рассеяно бродили первые солнечные лучики. Сергей глубоко вздохнул и поежился от холода, засевшего где-то глубоко внутри, медленно растекающегося по всему телу, холода, который не вытравит ни горячий чай, ни разожженный камин, ни жаркая сауна...

На столике рядом с кроватью резко прозвенел будильник. Сергей выключил его, встал и направился под горячий душ, надеясь хоть немного согреться. Он посмотрел на себя в зеркало и отметил: глаза грустные, выглядит помятым и уставшим, как будто пил вчера.

Сергей всегда много работал, не замечая, как проходят дни в Северном Гондурасе. Иногда приходила мысль, что неплохо бы взять отпуск и улететь куда-то далеко, но каждый раз, когда он начинал всерьез подумывать об этом, на горизонте возникал новый срочный и важный заказ, появлялся новый клиент, которому нельзя было отказать или дать отсрочку, и он с головой уходил в новый проект. Это продолжалось на протяжении всех трех лет, что он работал в этой фирме.

Но сегодня Сергей твердо решил, что с него хватит, настала пора отдохнуть. Окончательно и бесповоротно решил, и сразу, не откладывая, направился к директору и хозяйке фирмы Марии Сергеевне.

Кабинет Марии Сергеевны располагался в другом крыле верхнего этажа офисного здания, занимаемого фирмой, и работники каждый раз удивлялись, как она, несмотря на то, что сидит отдельно от них, в другом, так сказать измерении, умудряется быть в курсе всех проектов, знать большинство из них досконально, до мельчайших подробностей, о которых ей даже не докладывали, держать на контроле все сроки и возникающие проблемы, причем даже самые незначительные.

Ходили слухи о ее незаменимой секретарше Настеньке, как все ее называли, несмотря на то, что Настенькина внешность была более чем далека от секретарской. Пухленькая, маленькая, похожая на колобок, всегда улыбающаяся, с немодной химической завивкой на голове, Настенька умудрялась быть всегда и везде, молниеносно появляться и исчезать в любой точке здания, быть глазами и ушами Марии Сергеевны.

Сергей, направляясь в сторону директорского кабинета, прикидывал в уме, как отнесется начальство к его законному требованию о предоставлении отпуска. Но ведь последний выполненный им заказ был настолько успешен и так восхитил привередливого клиента, что Мария Сергеевна просто не могла не удовлетворить его просьбу об отпуске.

Сергей зашел в приемную рядом с кабинетом доложить Настеньке о своем визите, та внимательно посмотрела на него с немного грустной, как ему показалось улыбкой.

– Сережа? Вы к Марии Сергеевне?

– Да. Она может меня принять?

– Конечно, от нее как раз вышел посетитель, вы можете войти.

Сергей поблагодарил секретаршу и зашел в кабинет директора. Надо сказать, за три года своей безупречной работы в фирме, он бывал здесь нечасто. И каждый раз ему казалось, что он впервые стоит на пороге, можно было поклясться, что интерьер кабинета каждый раз новый, причем о перестановках или о ремонте в нем никто никогда не слышал. Как такое могло быть, оставалось только догадываться.

Мария Сергеевна сидела в большом кресле и что-то рассматривала на мониторе своего компьютера. Она подняла глаза и сдержанно улыбнулась:

– Добрый день, Сергей!

– Здравствуйте, Мария Сергеевна. Я зашел обговорить с вами один вопрос...

– Дай угадаю! – улыбнулась Мария Сергеевна и на ее безупречно гладком ухоженном лице вдруг появилась предательская морщинка в самом уголке глаза. – Ты пришел с просьбой об отпуске?

– Да, Мария Сергеевна, вы как всегда в курсе! – улыбнулся Сергей.

– Тут нет ничего сверхъестественного! – ответила она. – Ты три года не был в отпуске, точнее три года и пять дней...

– Откуда такая точность?

– Сегодня пятое октября. Я все помню, а если не помню, то записываю. Мне было даже интересно, сколько ты выдержишь, учитывая, что в свою работу вкладываешь всю душу и за это время добился поистине потрясающих результатов. Между нами говоря, я бы могла дать тебе в награду отпуск на целый месяц, но, боюсь, без тебя мы столько не продержимся, к тебе и только к тебе стоят в очередь наши самые важные и денежные клиенты. Поэтому прости, Сергей, но только две недели, не больше!

– Спасибо, Мария Сергеевна! – вздохнул с облегчением Сергей. – Со следующей недели?

– Да, конечно, зайди на обратном пути к Анастасии, она все оформит, – ответила Мария Сергеевна, показывая тем самым, что разговор окончен, и каждый может возвращаться к своим делам.

Сергей кивнул и бесшумно вышел из кабинета. Он подошел к Настеньке и уладив формальности, с легким сердцем поехал на очередной «натюрморт», как он называл выезды к заказчикам, по проекту, который у него все никак не получалось закончить.

Это была не очень большая по меркам элитного района квартира, принадлежавшая малоизвестной вдове одного известного депутата. С первым этажом воображение Сергея справились на ура, а вот второй этаж... Когда он заходил туда, ему казалось, что он находится в сельской глубинке, где ни то, что о дизайне интерьеров, а даже об элементарных удобствах имеют очень слабое представление.

Две небольшие комнатки: спальня и кабинет, напоминающие знаменитые хрущевки и кладовая. Как сделать их оригинальными, удобными и самое главное уютными, чтобы понравилось хозяйке, немолодой женщине со скучающим взглядом, немного оживавшим лишь при появлении молодого дизайнера.

И сегодня, в предвкушении отпуска, Сергей надеялся, что ему на ум придет какая-нибудь хорошая мысль в отношении этого проекта, которым он, как и многими другими, занялся по личной «просьбе» Марии Сергеевны.

Заходя в квартиру, Сергей посмотрел на выполненный идеально, как ему казалось, первый этаж, и стал подниматься на второй. В этот момент ступеньки на лестнице стали предательски шевелиться, он почувствовал, что теряет, равновесие, падает...

Сергей пришел в себя, сидя в низком кресле, потирая висок.

– Сережа, с вами все в порядке? – услышал он испуганный голос хозяйки. – У Вас на лестнице закружилась голова, Вы чуть не упали, и я проводила вас до кресла. Вам плохо?

– Нет, ничего, спасибо, Нелли Ивановна! Что-то голова закружилась. Но вы, надеюсь, не подумаете, что я пьяный? – ответил ей Сергей.

– Нет, Сережа, что ты! Вот возьми тряпочку, приложи к виску, она в настойке вымочена, может, поможет! Ты слишком много работаешь, вот даже у меня! Тебе бы отдохнуть, уехать из города на природу, сразу полегчает!

– Как раз сегодня я попросил у Марии Сергеевны отпуск, – вздохнул Сергей. – Мне бы еще проблему вашего второго этажа решить, и я буду отдыхать со спокойной совестью... Пойдите, а мы сейчас на каком этаже? – Сергей вскочил с кресла и прошелся по комнате.

– На втором, а что? Не узнаешь?

– Узнаю, в том-то и дело! Но просто я вижу все по-другому! Да, да, конечно, вот оно! Кажется, в отпуск я пойду заслуженно! – улыбнулся Сергей, у него перед глазами стал отчет-

ливо вырисоваться будущий облик злосчастливого этажа. Он достал из внутреннего кармана куртки блокнот с ручкой, которые всегда носил с собой, зная по опыту, что зарисовки можно и нужно выполнять где угодно и когда угодно. Быстро набрасывая линии и цифры, он улыбался.

– Нелли Ивановна! – воскликнул он со счастливой улыбкой. – Все, я справился! Это будет замечательно, поверьте! И я уйду в отпуск со спокойной совестью! Сегодня вечером все нарисую, и завтра мы уже можем сделать заказ на поставку необходимых материалов! Вы будете довольны!

– Сереженька, я никогда не сомневалась в этом! Недаром Вас называют Художником!

Сергей уже не слушал ее, быстро спустился по лестнице и, пожелав хозяйке доброго дня, выскочил на улицу. Каждый раз, когда ему что-то удавалось, он справлялся с чем-то трудным, успешно решал какую-то проблему, то чувствовал себя счастливым. Сердце Сергея трепетало, несмотря на то, что это были всего лишь дома и квартиры, вещи сами по себе неодушевленные, но он чувствовал себя ответственным за их судьбу, за то, чтобы после того, как он с ними поработает, они радовали глаз живущих в них людей. Все творческие натуры склонны к этому, с той лишь разницей, что работают с разными вещами и материалами.

Сергей решил прогуляться пешком, тем более что дом, куда он направлялся на следующий «натюрморт», был всего через одну остановку. Он шел, и осеннее солнце вдруг ласково и по-летнему брызнуло ему в лицо. Сергей надел зачем-то взятые с собой солнечные очки и пошел дальше, ощущая себя полным сил и энергии.

Недалеко от нужного ему перехода он увидел громадный джип, как-то нелепо застывший на дороге. Невысокая и очень молоденькая девушка стояла около него, растеряно крутя в руке айфон. Огромная машина была девушке явно не по росту, и рядом с ней она смотрелась еще меньше и моложе. Вдруг девушка обратилась к Сергею

– Молодой человек, вы разбираетесь в машинах? – Сергей кивнул.

– Помогите мне, пожалуйста, никак не заводится, зараза, – смешным жестом матерого таксиста она показала на джип.

Сергей заглянул в салон «заразы» и громко расхохотался.

– А вы попробуйте снять его с «нейтралки», может быть тогда «зараза» и заведется.

Девушка покраснела, пискнула «спасибо» и, забравшись в салон своего монстра, резво рванула с места...

– Курица, – подумал Сергей, – она и в «Хаммере» курица, никакие крутые тачки этого не изменят.

Все еще посмеиваясь, он стал переходить на другую сторону по пешеходному переходу, и тут его чуть не сбила с ног огромная собака, какие все реже встречаются на улицах большого города в наши дни. Собаку еле удерживала на поводке миниатюрная девушка, отчаянно пытавшаяся поспеть за ней, в результате чего поводок был натянут как струна, а девушка смешно семенила.

Сергей снял очки, повернулся, намереваясь отругать хозяина за то, что огромный пес бегают по улицам без намордника, но слова замерли у него на губах. Он молчал, стоя как вкопанный, не замечая, что находится на проезжей части.

– Простите пожалуйста, – задыхаясь пролепетала девушка. – Пойдемте, а то нас задавят. – Она схватила его под руку, другой намертво вцепившись в поводок, и буквально потащила на другую сторону, пес активно помогал ей в этом, выполняя роль основной движущей силы. – Простите пожалуйста, – еще раз уже на тротуаре сказала она. – Я не знаю, что такое творится сегодня с Шумой!

– Что? – рассмеялся Сергей, выходя из оцепенения. – Как вы сказали? Шума?

– Да, сокращенно Шума. Это я его так называю, вообще хозяин дал ему кличку Шумахер.

– Так это не ваша собака? – спросил Сергей, ему вдруг стало понятно смущение и беспомощная растерянность девушки рядом с таким огромным псом. Хрупкие маленькие девушки

редко заводят себе таких вот волкодавов, как правило, ограничиваясь в своей страсти ко всему большому солидными машинами. – Забавное имя...

– Он его полностью оправдывает, носится – не догнать, видите, как пер напролом по пешеходному переходу! Еле удерживала!

– А вас как зовут? Меня Сергей.

– Меня Оля. Я повторяю, Шумахер не мой песик...

– Неужели вашей бабушки? – рассмеялся Сергей.

– Нет. Моего парня, – смутилась Оля и потупила глаза, как будто сказала что-то ненужное и неприятное.

– А, ну тогда скажите ему, чтобы он позаботился о дрессировке такой крупной собачки, поскольку если бы на моем месте был ребенок, неизвестно, чем бы все это закончилось, – с холодком в голосе ответил Сергей и пошел по своим делам.

– Обязательно, спасибо! – крикнула Оля ему вслед.

Оля вместе с Шумахером направлялась к своей маме, Ирине Ивановне. Так сложилось, что они жили по разные стороны проспекта – мама в однокомнатной квартире, а Оля со своим парнем Максимом в доме напротив, в двухкомнатной. Жилось Оле хлопотно, поскольку она, можно сказать, разрывалась между мамой, которая подсознательно не хотела отпускать от себя дочку, считая ее еще маленькой, нуждающейся в материнской защите и опеке, и парнем, с которым она собиралась прожить всю оставшуюся жизнь. У Максима был непростой характер, и он часто и довольно ехидно посмеивался над Олей, называя ее «маменькиной дочкой».

Пользуясь моментом, пока Максим был в командировке, а Шумахера все равно надо было выгуливать, Оля совмещала приятное с полезным и навещала маму. Мама Оли выросла в детдоме, от родителей ей досталась единственная вещь – медальон, и когда у нее самой родилась дочка, души в ней не чаяла. Отца своего Оля не знала. По рассказам мамы, которым она, правда, не слишком верила, он был проезжим артистом из другого города, который, узнав, что мама беременна, благополучно распрощался с ней под предлогом очередных гастролей, из которых так и не вернулся. Прозаично и неинтересно.

Оля училась в Медакадемии на фармацевта. Она хотела знать о лекарствах все и с их помощью лечить людей, облегчать их боль и страдания. Маленький светлый человечек, который никому никогда не делал ничего плохого и от других, естественно, тоже ничего плохого не ждал.

Едва зайдя к маме, Оля с порога начала перечислять новости:

– Сегодня пары отменили, так что я после занятий пообедала и пошла к тебе.

– Опять ты с этой псиной, Оля, – сказала Ирина Ивановна, с неодобрением поглядывая на Шумахера.

– Мама, он весь день сидит один, надо же ему лапы размять, а то так совсем ходить разучится, – жалобно протянула Оля.

– Вот и забирал бы его с собой в командировки, пусть там бы и гулял, хоть целый день! Поселить такого монстра в маленькой квартирке, а ты и корми его, да еще и возись, выгуливай! Что за парни нынче пошли, Оля!

– В твоё время были не лучше, мамочка! – со смехом ответила Оля. – Главное – любовь, а бытовые трудности ерунда, вместе мы со всем справимся, вместе мы – сила!

– Вот-вот, любовь – морковь! – Ирина Ивановна посмотрела на Олю с грустью и нежностью и вздохнула. – Сколько вы живете с Максимом? Два года уже! Ну да, ты же с ним встречаться стала на третьем курсе!

– Ага. И что, мамочка? – Оля сделала вид, что не понимает намеков, хотя прекрасно знала содержание дальнейшего разговора, мамино беспокойство и приводимые аргументы.

Да ей и самой, признаться, уже поднадоели встречи Максима без нее с друзьями, его плохое настроение буквально из-за ничего, частые придирки «на пустом месте», наезды «ради

наезда», постоянные командировки и, самое главное, отсутствие обручального кольца на безымянном пальце, которое он называл «блажью», «глупостью», а свадьбу – желанием «напоить и накормить на халяву толпу друзей и родственников».

– Ты сама подумай, – говорил Оле Максим, – ну, поженимся мы, точнее свадьбу отметим, поскольку наши души с тобой уже давно поженились... Влезем в долги, полжизни будем за них рассчитываться, «не хуже чем у других», а потом – все.

– Что все? – не понимала Оля.

– Прошла любовь, завяли помидоры. Точнее после выплаты кредитов ты или я вдруг поймем, что нас ничего и не связывало в жизни, кроме них. И начнется...

– Что начнется?

– Раздел совместно нажитого имущества, – уверенно говорил Максим, делая вид, что он так шутит.

– Ну почему именно так? У тебя все выглядит в мрачном свете!

– А по-другому и быть не может, проверено столетиями. Поэтому давай сначала поживем для себя, попутешествуем, подкопим денежек на эту самую свадьбу, а когда уже решим «свить гнездо» не для двоих, так сказать, вот тогда и будем думать...

– Максимочка, ты всегда так доходчиво все объясняешь, что мне даже и возразить нечего, – примирительно отвечала Оля, хотя в глубине души чувствовала несогласие с этой теорией, знала, что ей хочется надеть свое свадебное платье, колечко на палец и почувствовать себя настоящей невестой, а потом женой.

– Оля, время-то идет! Подружки замуж весьма активно начинают выходить, а этот твой Максим и не чешется, как мне кажется! Неужели ты хочешь повторить мою судьбу и сидеть на старости лет одной в однокомнатной квартирке, ожидая, когда твоя дочка прибежит к тебе на полчаса...

– Мамамочка, мы уже много раз об этом говорили! Что такое свадьба, зачем она нужна...

– Дочечка, свадьба – это показатель серьезности намерений мужчины по отношению к тебе. Готов ли он пойти на такой важный шаг, взять на себя ответственность за тебя и ваших будущих детей, за семью. Это показатель зрелости мужчины, его любви к тебе. Предлагая тебе стать его женой мужчина как бы говорит: ты – моя единственная и никто другой мне не нужен, я хочу быть только с тобой.

– Мама, даже свадьба и штамп в паспорте не гарантия счастливой семейной жизни...

– Да, дочка, с этим не поспоришь... – вздохнула Ирина Ивановна.

– А хочешь, я сегодня с тобой не полчаса, а целых два проведу? – рассмеялась Оля, стараясь перевести разговор на другую тему. – Ты мне свою фирменную шарлотку сделаешь, посмотрим вместе какой-нибудь фильм...

– Доченька, а ты к занятиям успеешь подготовиться? – спросила Ирина Ивановна.

– Успею, мамочка! Максима нет, отвлекать никто не будет!

Увы, Оля оказалась не права насчет того, что никто ее не будет отвлекать. Как раз в это время ключ в замке квартиры на противоположной стороне дороги повернулся, и Максим зашел домой абсолютно и бесповоротно недовольный своей судьбой, жизнью и окружающими его людьми.

Был он недоволен по вполне определенным причинам. Его очередная возлюбленная оказалась не простой штучкой и как раз сегодня объявила ему, что ждет от него ребенка. Она-то ждала, а он нет. Стать отцом в тридцать лет казалось ему настоящей катастрофой, концом света, он еще слишком молод, чтобы вваливать на себя эту обузу, которая была как «ипотека на полвека, яркой жизни не помеха». Лет в пятьдесят еще можно, но не сейчас, нет, однозначно, не сейчас!

Именно это в изысканных и обтекаемых выражениях он и попробовал объяснить своей возлюбленной, но она его не поняла, намекнув, что он, очевидно, забыл, кто ее папа. А папа –

фигура весьма влиятельная, кардинально меняющая ход игры – генеральный директор корпорации, в которой по тяжелому стечению жизненных обстоятельств трудился Максим, и откуда он не собирался увольняться в ближайший десяток лет.

В общем, это надо было осмыслить, о чем он сообщил возлюбленной в не менее изысканных выражениях, ненавязчиво намекнув, что живет не один и ему нужно будет каким-то образом выходить из создавшегося «кризисного» положения. Возлюбленная удовлетворенно улыбнулась, дав будущему отцу своих детей ровно сутки на размышления и поиск оптимальных путей выхода из сложившегося по причине его любвеобильности положения.

В таком «растрепанном» состоянии Максим и прибыл домой, на двое суток раньше, чем планировал, не истратив до конца свой командировочный пыл. Настроение у него было препаршивое, но он надеялся его немного улучшить, выйдя на прогулку с верным другом Шумахером и излить ему душу, благо Шумахер ни возражать, ни уж тем более упрекать его не стал бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.